



ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1.09 – 94

СТАТУС МЕМУАРОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА

С.Ю. Павлова

Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье рассматривается история формирования жанра мемуаров и определяется его специфика во французской литературе XVII века в контексте развития политической и духовной ситуации, исторической мысли и эстетики периода.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII века, мемуарно-автобиографические жанры.

Memoirs Status in the XVIIth century French Literature

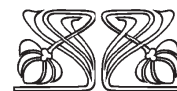
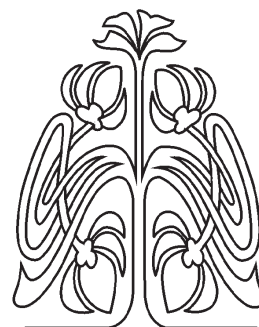
S.Yu. Pavlova

In the article the history of the memoirs genre formation is considered; and its peculiarities in the XVIIth century French literature are defined against the background of the political and spiritual situation development, as well as historic thought and the aesthetics of the period.

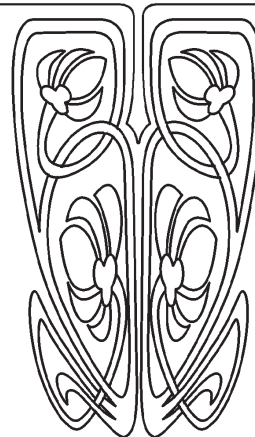
Key words: memoirs, XVIIth century French literature, memoir and autobiographic genres.

В истории французской литературы XVII век отмечен преимущественным развитием драматургических и поэтических жанров. Их расцвет обусловлен динамикой исторических перемен и характерными для эпохи эстетическими представлениями о прекрасном. Прозаические жанры занимают второстепенное место на фоне блестящих образцов драматургии и поэзии, статус которых поддерживается теоретической рефлексией, опирающейся на «Поэтику» Аристотеля. Проза оказывается вне рамок классицистической иерархии жанров и тем самым как бы выводится за границы высокой литературы. Такое положение приводит, с одной стороны, к известной скептической оценке теоретиками классицизма жанра романа, а с другой – к усилению нехудожественных элементов в прозе данного периода. Следствием этого становится расширение палитры прозаических жанров, возникающих на стыке художественности и документальности, вымысла и нравственно-религиозной направленности. Эпистолярный, мемуарный, портретный, характерный, максимы, моральные размышления, афоризмы, во многом оставаясь уделом любителей, не претендуют на место в жанровой иерархии, но объективно способствуют трансформации художественной словесности эпохи и создают основу для последующего выдвижения на авансцену литературного процесса жанра романа.

Ключевую роль в документально-художественной прозе XVII столетия играют мемуары. Франция стала не только родиной мемуаров, но и дала наибольшее количество образцов этого жанра, причем значительных по своим художественным достоинствам. Особая приверженность французов к мемуарному повествованию отмечается в толковых словарях XIX в. и исследованиях современных ученых. Франсуа-Рене де Шатобриан, автор блестящей мемуарно-автобиографической книги «Замогильные записки», связывает склонность французов к написанию мемуаров с особенностями национального характера: «Французы искони, даже во времена варварства, обладали нравом тщеславным, легкомысленным, общительным. Француз не склонен размышлять о предмете в целом, зато он внимателен к деталям; взор его быстр,



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





цепок, пронизателен; француз жаждет быть на виду и, даже делаясь летописцем событий, продолжает писать о себе. В мемуарах он волен не изменять своему духу <...> Кроме того, этот род исторических сочинений позволяет ему сохранить пристрастия, отказаться от которых было бы для него мукой. Он выражает свое восхищение теми или иными людьми, той или иной партией: он то наносит оскорбление врагам, то подтрунивает над друзьями, давая волю и своей мстительности, и своему лукавству»¹.

Первым образцом жанра считаются «Мемуары» (1489–1498) Филиппа де Коммина, в которых явственно обнаруживается новый тип исторического повествования, отличный от средневековых хроник. Авторы хроник ощущали себя историками своего времени, призванными последовательно излагать факты, не углубляясь в причины произошедших событий, и превозносить славные деяния великих людей, королей или принцев крови по преимуществу. Большинство средневековых хронистов воспринимали свой труд как составную часть общей истории, связывая его с наиболее авторитетными сочинениями предшественников. Именно так на протяжении нескольких веков складывались исторические хроники монастыря Сен-Дени или же герцогства Бургундского. В XIII–XIV вв. в хрониках Вилардуэна, Клари, Жуанвила и Фруассара наметилась постепенная трансформация жанра, вызванная усилением авторского начала. Переходный характер этих сочинений отразил «Большой универсальный словарь французского языка» Пьера Ларусса, в котором имена Жуанвила и Фруассара упоминаются в статьях, посвященных и хроникам, и мемуарам². Филипп де Коммин также включал себя в число хронистов, на что указывает авторское название книги – «Хроника и История»³. Однако его произведение обнаруживает принципиальный сдвиг от хроникального повествования, нейтрализующего, растворяющего авторское «я» в веренице исторических перипетий, к мемуарам, для которых позиция и историческая роль самого автора станут определяющими.

Конец XV в. маркируется возникновением термина «мемуары» (*Mémoires*). Он начинает использоваться самими хронистами или же издателями их сочинений. Термин восходит к слову «мемуар» (*mémoire*), которое употреблялось для обозначения докладной записки о каком-либо событии, предназначенной для последующего включения в исторический труд. Эти записки использовались в политической либо военной деятельности, носили исключительно информативный характер и служили способом сохранения необходимых сведений. Написание слова «мемуар» во множественном числе и с большой буквы, вошедшее в обиход с конца столетия, ознаменовало качественно новый смысл, который стал вкладываться в подобные записки, сделанные на память. Из случайной, бессистемной, собранной

разными людьми и порой невостребованной информации о недавно произошедшем они превратились в осознанную фиксацию прошлого, которому надлежало остаться в памяти потомков. Такие мемуары создавались одним человеком и освещали определенный временной период. По направленности и задачам они соотносились с традиционными хрониками, но были составлены не клерками, опиравшимися на письменные источники и устные свидетельства других людей, а непосредственными участниками событий. Личная осведомленность авторов придавала мемуарам значение достоверности, а уникальность зафиксированного опыта – интерес новизны и ощущение детальности изображаемого.

Генетическая связь с хрониками и «мемуаром» определила осознанную мемуаристами необходимость самоопределения по отношению к истории как зафиксированной в слове памяти о деяниях прошлого. В XVI – начале XVII в. процесс кристаллизации жанра во многом зависел от этого самоопределения. Изначально мемуаристы не считали свои сочинения историческими трудами, а воспринимали их как подготовительный материал для тех, кто в будущем напишет настоящую историю. Они отводили себе скромную функцию сбора чернового материала, нуждающегося в последующей обработке, и поэтому нередко сопровождали название «*Mémoires*» формулой «*pour servir à l'histoire*» («на пользу / к услугам истории»). Такая номинация будет использоваться во французской мемуаристике на протяжении последующих столетий.

Первые мемуаристы видели себя любителями, поскольку во Франции XVI века на смену традиционным хроникам пришло новое представление об историографии, сложившееся в Италии в эпоху Возрождения. Итальянские гуманисты, ориентировавшиеся на Тита Ливия, предъявляли к историческим сочинениям высокие формальные требования: приоритет латинского языка, использование риторических фигур, дидактических элементов. Историография тесно пересекалась с художественной словесностью на уровне стиля, но в плане содержания отмежевывалась от нее, ставя во главу угла критерий достоверности и объективности. Таким образом, если формальные требования к историческим сочинениям выводили мемуары за границы официальной историографии, то желание правдиво восстановить отрезок прошлого их сближало.

Мемуаристы не претендовали на широкий охват и концептуальность изображаемого, но вполне могли поспорить с признанными творцами истории в точности зафиксированных сведений относительно конкретного события или лица. Позиция непосредственного свидетеля давала им неоспоримое преимущество над историографами так же, как и над средневековыми хронистами. Самоощущение мемуаристов могло быть суммарно выражено формулой, предложенной



французской исследовательницей Н. Кюперти: «Мы пишем плохо, <...> но в действительности этот недостаток означает наше превосходство. Мы пишем намного лучше. Мы привилегированные свидетели той истории, которую описываем, наше положение наиболее удачно для того, чтобы рассказывать как можно ближе к истине»⁴. Высокая степень осведомленности укрепляла уверенность мемуаристов в правомерности и необходимости их трудов. Более того, она вызывала чувство горделивого превосходства над историографами, которые черпали материал по преимуществу из мемуаров и, следовательно, создавали вторичные по характеру сочинения. «Их (мемуаристов. – С.П.) видимая скромность, – справедливо утверждает А. Бертьер, – скрывает необычайно живое ощущение значимости предлагаемых сведений. Отсюда неизбежно вытекает мысль, <...> что история должна быть рассказана теми, кто ее вершил»⁵.

В XVI – начале XVII в. создателями мемуаров выступали родовитые аристократы, чтившие кодекс чести, который обязывал их до конца исполнять свой вассальный долг перед короной. Именно они вершили историю в период религиозных войн и с начала правления династии Бурбонов стремились сохранить баланс власти между королем, первым среди равных, и знатными родами. Аристократы – участники Католической Лиги, защищавшие с оружием в руках французское государство, хотели выразить свою благосклонность новому королю, перешедшему из протестантизма в католичество, но и рассчитывали на признание собственных заслуг с его стороны. В ситуации, когда официальная историография, укрепляя позиции Генриха IV, а затем Людовика XIII, затушевывала историческую роль представителей знати, мемуаристы напоминали о ней во имя высших интересов, продиктованных вассальным долгом и благом монархии. В первой половине XVII в. мемуаристика выступала своего рода контраргументом политике централизации власти, проводимой всемогущими кардиналами Ришелье и Мазарини.

Создатели мемуаров декларировали приверженность объективности, но в действительности отстаивали свое понимание исторической правды, носившее глубоко индивидуальный характер. «В атмосфере сведения счетов»⁶ мемуары способствовали усилению личностного начала во французской прозе. Субъективная интерпретация материала тормозила движение мемуаров в сторону истории как научного знания о прошлом, но открывала дорогу в другом направлении. Как верно заметил М. Фюмароли, свойственная аристократическим мемуарам «свобода тона, дерзость быть собой... давала им шанс на литературное будущее»⁷.

Сближение мемуаров с литературой на этапе становления жанра определяла авторская интенция, а не использование художественных приемов.

Напротив, аристократы, ставившие на вид королю прежде всего свои заслуги на полях сражений, придерживались соответствующего военной тематике сухого и лаконичного стиля изложения. Образцом для них служили «Комментарии» Цезаря, чье авторитетное имя мемуаристы использовали в качестве противовеса Титу Ливию. Не принимая историографии, имитировавшей античные сочинения, они нашли «в арсенале противника оружие для победы над ним: такова роль “Комментариев” Цезаря»⁸. Французским мемуаристам были близки не только краткость и точность римского полководца, но и его приверженность правде, которая ошибочно представлялась им не вызывающей сомнений. Эти черты роднили Цезаря со средневековыми хронистами, а значит, соответствовали национальной традиции. Показательно, что название «Комментарии» некоторое время конкурировало с «Мемуарами». Так, например, маршал Блез де Монлюк назвал свою знаменитую мемуарную книгу «Комментарии» (1592). Однако в конечном итоге предпочтения авторов склонились в сторону «Мемуаров».

Подлинный расцвет жанра пришелся на вторую половину XVII в. Точкой отсчета нового этапа в истории французской мемуаристики исследователи называют 1661 год, когда началось единоличное правление Людовика XIV. Монарх поддерживал официальную историографию, теоретики которой – отец Лемуан в трактате «Об Истории» (1670) и отец Рапен в «Наставлениях для Истории» (1677) – по-прежнему оценивали мемуары как несовершенные фрагменты, не соответствующие представлениям об идеальной истории. Однако эти представления заметно изменились в сравнении с началом столетия. Во-первых, возросли моральные и дидактические требования к историческим сочинениям, а во-вторых, «стилистический разрыв между двумя жанрами, установившийся в XVI веке, начал ослабевать под влиянием эволюции эстетического идеала»⁹, тяготевшего отныне к простоте, естественности, минимализму изобразительных средств. Андре Бертьер отмечает, что своеобразным девизом историографов данного периода были слова отца Рапена: «Правда, являющаяся душой Истории, выглядит подозрительной, будучи слишком украшена словами»¹⁰. Названный исследователь справедливо указывает, что новый идеал официальной историографии совпадал с представлением о мемуарах. Свойственные жанру стилистические особенности – лаконизм, непринужденность повествования, тяготение к разговорной форме – сочетались с морализаторством и желанием преподнести урок потомкам.

Во второй половине XVII в. тенденция к простоте, ясности и благородству изложения диктовалась нормами, предписанными классицистической эстетикой. Они заметно повлияли на исторические сочинения, но еще в большей степени изменили облик художественной литературы.



Если доминировавшая в начале века эстетика барокко со свойственными ей элементами вымысла, фантастики, мистики, изощренным богатством словесно-образных средств препятствовала включению мемуаров в поле литературы, то классицизм, утверждавший принцип правдоподобия, соответствовал направленности мемуарного жанра. В условиях господства классицизма интерес читателей повернулся в сторону повествования, приближенного к реальности. Запросам публики жанр мемуаров отвечал как никакой другой.

По статистике, во второй половине века, в сравнении с предшествующим периодом, количество созданных мемуаров возросло в несколько раз; интерес к жанру поддерживали и многочисленные переиздания сочинений, написанных ранее¹¹. Мемуаристов, взявшихся за перо в эти годы, французские литературоведы называют «поколением Реца», используя определение, удачно найденное Андре Бертгером¹². Наряду с кардиналом де Рецем, создавшим одну из самых ярких мемуарных книг французской литературы, мемуары пишут Луи де Понти, Никола Гула, Анри де Кампион, мадам де Лагетт, Франсуа де Ларошфуко, Роже де Рабютен, Антуан Арно, мадам де Моттвиль, Мария Орлеанская, мадемуазель де Монпансье, Мария и Гортензия Манчини и др. Хотя свое видение бурных событий французской истории стремятся запечатлеть дипломаты, парламентарии, юристы, священники, наибольший интерес с точки зрения развития жанра представляют мемуары родовитых аристократов, а также членов королевской семьи или их доверенных лиц.

Огромный поток таких мемуаров породила Фронда. Молодой Людовик XIV, детские годы которого были омрачены ее перипетиями, вел продуманную политику в отношении родовитой знати, используя тактику кнута и пряника. Аристократов, безуспешно пытавшихся пошатнуть основы единоличной власти, он оставлял в ссылке либо возвращал ко двору, усугубляя их неустойчивое положение присвоением дворянских титулов государственным чиновникам. Новоиспеченные царедворцы беспрекословно подчинялись монаршей воле, строго соблюдали придворный этикет и были лишены представлений о кодексе аристократического поведения. Их существование размывало былой статус знатных фамилий, делало опасными и бессмысленными попытки «сведения счетов» с Людовиком XIV. «Возраст короля и преимущественно буржуазное положение тех, кого он взял к себе на службу, обращало ее (аристократии. – С.П.) ностальгические взоры назад в мятежную эпоху. Мемуарист Лиги шел вперед, и его поддерживал рассказ о собственных деяниях, который он передавал потомкам. Мемуарист Фронды окидывал взглядом годы, пытался, возвращаясь к прошлому, становившемуся с каждым днем все большим анахронизмом. Это существенное изменение способствовало <...> глубинной трансформации жанра»¹³.

Аристократы, попавшие в немилость, оказавшиеся в изгнании, лишившиеся жизненно необходимой для них возможности быть при дворе, воспринимали мемуары как способ компенсировать свой неуспех. Они хотели предъявить собственную версию событий Фронды если не монарху, то кругу ближайших друзей, а в будущем – потомкам. Самооправдание, доходившее порой до апологии, было необходимо мемуаристам, утратившим привычные жизненные опоры. Они обращали свой взор в прошлое без надежды его изменить, но с желанием преподнести урок тем, кто прочтет их труды и в будущем, возможно, скорректирует представление об истории.

Изгнанников, привыкших к активному участию в политической жизни государства, угнетало состояние праздности и скуки, в котором они пребывали. Одной из причин, по которой кардинал де Рец, Ларошфуко, мадемуазель де Монпансье начали записывать свои воспоминания, было желание заполнить досуг. В ситуации вынужденного заточения составление мемуаров дало им возможность для самореализации, стало своего рода «заменителем действия»¹⁴. Работая над своими тестами, авторы испытывали ощущение вовлеченности в происходящее, жили не прошлым, а настоящим, наконец, наслаждались удовольствием от самого процесса изложения материала и перечитывания своих произведений. Этот важный элемент психологии мемуарного творчества подчеркивает французский исследователь Фредерик Брио: «... письмо – это рефлексия о себе и своей печали; переживание боли – действие, позволяющее уберечь себя от метафорического сна <...> и вновь обрести способность чувствовать <...> Речь идет о том, чтобы выздороветь от пустоты, от летаргии, от страдания, одним словом, выйти из состояния несчастья»¹⁵.

В абсолютистской Франции мемуары гонимых аристократов воспринимались как форма протеста, напоминая о былой героике и славе благородных семейств. Впрочем, характерное для периода правления Людовика XIV усиление единовластия делало невозможным публикацию протестных мемуаров на территории государства. Они издавались за пределами Франции либо увидели свет после кончины монарха. Такая судьба постигла «Мемуары» кардинала де Реца, мадам де Моттвиль, мадемуазель де Монпансье и др. Однако, даже не будучи опубликованными, мемуары были известны по рукописям и читались современниками. Об этом свидетельствуют переключки и отсылки к произведениям этого жанра в текстах самих мемуаристов.

Спад героического начала привел к изменению содержания мемуаров. Статус аристократии, когда-то поддерживаемый победами на полях сражений и кровью, пролитой за монарха славными представителями всего рода, стал в большей степени зависеть от положения конкретного индивида при дворе и мнения света. По этой причине



на смену военным и политическим мемуарам пришли светские, рассказывающие о любовных интригах, придворном времяпрепровождении, частной жизни высокопоставленных лиц. Неудивительно, что светская тематика породила большое количество мемуаров, написанных женщинами. Но независимо от пола их авторы чувствовали себя элитой, говорящей на одном языке и затрагивающей темы, понятные лишь узкому кругу. «В эру Людовика XIV, – пишет Р. Деморис, – потеря аристократией политической привилегии компенсировалась требованием привилегии не только моральной, но и культурной. Чтобы как можно дальше устранившись от идеи писательства как искусства, она часто воспринимала письмо как прямое отражение устной речи, то есть более “естественной”. Ведь известно, какое значение в феодальной системе отводилось *слову*; оно не утратило своей силы и в XVII веке. Это буржуазии приходилось жить по законам письменного договора; в среде аристократии достаточно было слова»¹⁶. Вот почему аристократические мемуары нередко напоминают непринужденное светское общение, изысканная простота которого в действительности являлась результатом глубокого образования и длительной муштры. По аналогии со стилем светской беседы неброская естественность мемуарного повествования стала своего рода «высшим искусством», скрывающим напряженный труд, «который должен остаться невидимым и стереть свои собственные следы»¹⁷. Модель общения в аристократических салонах и при дворе, отраженная в стилистике мемуарной прозы второй половины века, позволила М. Фюмароли назвать мемуары «фрагментами грандиозной беседы, в которой формируются и отшлифовываются лучшие свойства французского ума»¹⁸.

Ориентация на стиль светской беседы делала мемуары свободным жанром, не скованным грузом канона. Его открытый характер способствовал проникновению в мемуарную прозу не только черт исторического повествования, но и художественного, что преподносилось как результат спонтанного поворота мысли и потому не противоречило установке авторов на безыскусную манеру изложения. Мемуаристы использовали драматургические приемы, вплетали в текст повествования максимы, афоризмы, портреты, вставные новеллы. Жанр интенсивно обогащался за счет романских элементов, одновременно оказывая не меньшее обратное влияние на роман. Взаимобогащение мемуаров и романа способствовало их эволюции и привело к возникновению жанра псевдомемуаров.

В мемуаристике, как и в художественной прозе второй половины XVII столетия, наблюдается поворот к внутреннему миру личности, когда объектом изображения становятся не только превратности судьбы, но и духовный опыт индивида. Во Франции такой поворот во многом был обусловлен влиятельностью яansenистского учения

и публикацией в 1649 г. перевода «Исповеди» Августина Аврелия. Результатом самоуглубления авторов стало появление духовных мемуаров, которые создавались затворниками яansenистского монастыря Пор-Рояль и представляли собой апологию божественной воли. Усилением духовной составляющей отмечены и светские мемуары, в частности Анри де Кампиона и мадам де Мотвиль. Мемуаристов интересует внутренний мир не сам по себе, а как проекция божественного начала, ведущего человека от суетного земного существования в сторону вечной жизни. Новым качеством мемуарная проза наполняется за счет «нюансов, передающих смирение и признательность, внимания к мелким достоверным фактам»¹⁹. Добавим, что объективно анализ душевной жизни сам по себе создает благоприятную почву для формирования представления об уникальности личности. «В то время, когда философия и эстетика стремятся к универсальному, в эпоху, когда социальные законы душат единичное, когда аристократия вынуждена подчиняться придворному этикету, индивидуалистический дух ищет любые пути, чтобы выжить: жанр мемуаров становится одним из них»²⁰.

Итак, во французской литературе XVII в. мемуары отвечали духу времени и запросам читающей публики. Судьба жанра во многом предопределялась положением французской аристократии, которой мемуарное творчество помогало обрести новую социально-культурную нишу и сохранить свою идентичность. Статус мемуаров изменялся под влиянием политической и духовной ситуации, определялся эволюцией в сфере исторического знания и эстетики. Сформировавшись в русле исторических сочинений, в XVII веке мемуары сближаются с художественной литературой по авторской интенции и типу повествования.

Примечания

- 1 Шатобриан Ф.-Р. Гений Христианства // Эстетика раннего французского романтизма. М. 1982. С. 206.
- 2 См.: Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle par Pierre Larousse. Paris. 1866–1876. Т. 4. Р. 244. Т. 11. Р. 3.
- 3 С середины XVI в., после выхода в свет в 1552 г. издания Дени Соважа, за книгой закрепилось название «Мемуары». Отметим, что сам Коммин несколько раз употребляет в тексте слово «мемуары».
- 4 Kuperty N. La stratégie des préfaces dans les Mémoires du XVI siècle // Le Genre des mémoires. Essai de définition. Colloque international des 4–7 mai 1994 à Strasbourg. Paris, 1995. P. 19.
- 5 Bertière A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille: Service de reproduction des thèses. Université de Lille III, 1981. P. 18.
- 6 Fumaroli M. Les Mémoires au carrefour des genres en prose // Fumaroli M. La diplomatie d'esprit. Paris, 1998. P. 198.



⁷ Fumaroli M. Op. cit. P. 199.

⁸ Bertièrre A. Op. cit. P. 22.

⁹ Ibid. P. 37.

¹⁰ Ibid. P. 38.

¹¹ См. об этом подробнее: Lesne E. La poétique des mémoires (1650-1685). Paris, 1996. P. 15; Démoris R. Le roman à première personne. Du classicisme aux Lumières. Paris, 1975. P. 63.

¹² Bertièrre A. Op. cit. P. 30.

¹³ Ibid. P. 31.

¹⁴ Carrière H. Pourquoi écrit-on des mémoires au XVII^e siècle. L'exemple des mémorialistes de la Fronde // Le Genre des mémoires. P. 147.

¹⁵ Briot F. Du dessein des mémorialistes: la seconde vie // Le Genre des mémoires. P. 191.

¹⁶ Démoris R. Op. cit. P. 74.

¹⁷ Ibid. P. 92.

¹⁸ Fumaroli M. Op. cit. P. 214.

¹⁹ Ibid. P. 206.

²⁰ Bertièrre A. Op. cit. P. 44.

УДК 821.161.1.09

ЭПИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ Е.П. ЛЮЦЕНКО: К ПРОБЛЕМЕ ПРЕДРОМАНТИЧЕСКОГО ИСТОРИЗМА

Ю.Г. Дорофеева

Саратовский государственный университет
E-mail: grunaughen@mail.ru

В статье рассматриваются эпические опыты Е.П. Люценко «Чеслав», «Буривой и Ульмила», устанавливаются их источники – «Повесть временных лет», Иоакимовская летопись, раскрывается специфика предромантического историзма.

Ключевые слова: Люценко, предромантический историзм, эпический опыт, проблема национального характера.

Ye. P. Lyutsenko Epic Experiments: To the Problem of the Pre-Romantic Historicism

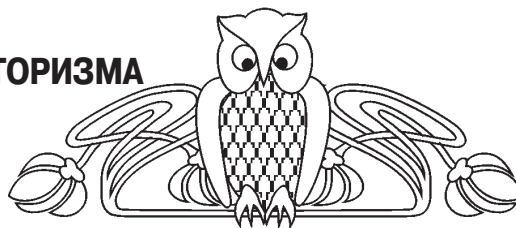
U.G. Dorofeyeva

Such epic experiments of Ye. P. Lyutsenko as «Cheslav», «Burivoy and Ymila» are analyzed in the article; their sources are established, they are «The Russian Primary Chronicle», «Joachim's Chronicle»; the peculiarity of the pre-Romantic historicism is revealed.

Key words: Lyutsenko, pre-Romantic historicism, epic experiment, national character issue.

В современном литературоведении проблема предромантического историзма получила достаточно глубокое освещение: изучен предромантический тип исторического мышления в творчестве М.Н. Муравьева, П.Ю. Львова, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, В.Т. Нарезного, а также А.Н. Радищева, Г.Р. Державина. В данной статье рассматриваются произведения литератора конца XVIII – начала XIX в. Е.П. Люценко, посвященные эпическому прошлому древней Руси.

Литературная деятельность Ефима Петровича Люценко (1776–1854) обширна и разнообразна. В 1793–1805 гг. поэт активно сотрудничает с журналами «Прохладные Часы», «Приятное и полезное препровождение времени», «Иппокрена», «Журнал для пользы и удовольствия» и др. В 1810 г. он выступает составителем «Европейского музея, или Извлечений из иностранных журналов» (с № 11 по № 24)¹. Стесняемый жизненными обстоятельствами, Люценко переводит



научно-практические и педагогические книги, а также стремится порадовать читающую публику современными переводами классических произведений изящной словесности («Странствования Телемака» Ф. Фенелона, «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» Дж. Мильтона).

В 1816 г. писатель становится одним из основателей Общества соревнователей просвещения и благотворения (другие названия общества – Вольное общество любителей российской словесности, Ученая республика) и в первый год его существования занимает должность председателя, цензора поэзии и исполнителя. Литературные интересы членов Общества сосредоточены на гражданской, национальной тематике, что влечет к изучению исторических документов, фольклора, древних преданий и мифов. В.Г. Базанов убедительно доказывает, что «Вольное общество не от случая к случаю, а систематически занималось пропагандой фольклора и памятников древнерусской литературы»². На заседаниях К.Ф. Рылеев читает думы «Святослав», «Баян», «Богдан Хмельницкий», «Смерть Ермака», Н.А. Цертелев – «Исторические известия о запорожских козаках», А.Д. Гиппинг – «Об упоминаемом в славянских летописях походе русских в Финляндию», А.В. Склабовский – «Царский пир в столице славян-победителей». Люценко также выступает на заседаниях общества со своими сочинениями о героическом прошлом России («Чеслав», «Буривой и Ульмила»). Интересно, что он выставляет на суд и ранее опубликованную балладу «Церна. Княжна Черниговская». Е.Э. Лямина и С.И. Панов отмечают, что «в отличие от декабристских сочинений сходной тематики, произведения Люценко лишены сколько-нибудь отчетливой соотнесенности с политической ситуацией 2-й половины 10-х гг.»³. Если рассматривать это критическое замечание не с точки зрения содержания, направ-